

Послесловие
ТРИ ИСТОРИИ В ОДНОЙ САГЕ

Еще в детстве в одной книжке о небезызвестной гуманитарной науке мне попался на глаза этот характерный пример того, как «создается история». Встретились как-то в парижском кафе Чарли Чаплин, Луи Арагон и Пабло Пикассо, интересно поговорили, а спустя много лет каждый написал об этой встрече в своих мемуарах. Но что удивительно — в одном и том же событии Чаплину показалось важным и существенным одно, Арагону — другое, Пикассо — третье, и в чем-то они даже противоречили друг другу.

Как же так?! — недоумевал тогда я. — Неужели в истории нет ничего абсолютно достоверного, независимого от людей, их личной памяти и восприятия? И с тех пор на всю жизнь утвердился во мне, что история — наука неточная. Этот детский импринтинг не отпускал меня на всем протяжении чтения книги «Открытый (в)опрос».

«Открытый (в)опрос» — издание историческое во многих смыслах этого слова. Это попытка написать «летопись» ВЦИОМ максимально объективно, собрав и выстроив в единую конструкцию отдельные субъективные мнения, оценки, сюжетные линии и частные биографии. Попытка, изначально обреченная на неудачу — ведь это все-таки «летопись» ВЦИОМ, написанная ВЦИОМ. Тогда как «действительная» история — всегда максимально широкий комплекс отдельных независимых субъективных микроисторий.

Более того, по-настоящему важные, яркие и богатые по смыслу события не могут быть описаны одинаково всеми очевидцами и участниками. Это о мелком факте («...и он заказал себе кофе без сливок и сахара») можно сообщить как о точно имевшем место, да и то если он действительно запомнился. Интерпретировать и пояснять факт можно совершенно по-разному («Он заказал себе кофе без сливок и сахара, потому что любил горький и терпкий», «...потому что был большим скрягой и экономил на всем», «...потому что другие

заказали то же самое» и т. д. и т. п.), а ведь именно трактовка и создает событие. Историю же создает комплекс отдельных субъективных картинок этих событий и их интерпретаций.

Вместе с тем полагаю, что попытка должна быть засчитана и, более того, рассмотрена как важный пример исторической профессиональной рефлексии. В книге рассказывается не одна, а как минимум три большие истории, вместе составляющие «вциомовский эпос».

История страны

Первая большая история — это **история страны**, причем **история социологическая**, то есть запечатленная в артефактах особого рода: результатах социологических исследований, числах массовых опросов, стенограммах фокус-групповых дискуссий и экспертных интервью, фотоматериалах и иных исследовательских данных. Именно с момента создания ВЦИОМ, реорганизации некоторых академических институтов в 1987—1989 гг. и появления в те же годы первых частных исследовательских компаний началась регулярная фиксация фактов общественной жизни СССР и России, постоянное отслеживание и анализ социальных, экономических и политических процессов через оптику социального исследователя и наблюдателя-аналитика.

Сейчас мы уже можем судить о том, как и чем жила наша страна и ее граждане последние 30 лет, не только перечитывая официальные документы «партии и правительства» и хронику СМИ, не только пересказывая слова разного рода «исторических» персон, но и обращаясь к объективизированным в таблицах и графиках мнениям сотен тысяч наших безымянных респондентов. Социологическая история страны — это в высшей степени поучительный рассказ о российском обществе, о его наивности и прозорливости, невежественности и осведомленности, доверии и нетерпимости, о его чаяниях, радостях и горестях, надеждах и разочарованиях.

К сожалению, терриконы накопленных данных пока нечасто привлекают внимание сегодняшних исследователей. Когда мир каждые три-четыре года «перестает быть прежним», многим кажется, что ана-

лиз социологических архивов — пустая трата времени. Однако невозможно корректно интерпретировать данные о текущем состоянии российского общества (и/или конкретного социального института), не понимая его генезиса, не зная многолетних трендов массовых настроений и динамики изменений базовых социокультурных параметров. Порой в одном графике ответов на какой-нибудь простой вопрос, задаваемый ежемесячно в течение четверти века (например, «*Будете ли Вы участвовать в акциях протеста против...*»), проявляется такая «связь времен», которая недоступна мысленному взору самого продвинутого теоретика-визионера.

В этом смысле «Открытый (в)опрос» демонстрирует хороший пример социологической истории — рассказа о пути конкретной организации в контексте того, куда и как двигалась в это время вся страна (и особенно та ее институциональная часть, которая именуется «государством»). И, главное, книжка наглядно показывает связь этих путей.

История индустрии

Вторая большая история — это **история становления в России особой отрасли интеллектуального производства**: прикладной социологии и исследовательской индустрии (Public Opinion & Market Research). Эта история подана в определенном ракурсе, который можно выразить в известном афоризме профессионального сообщества полстеров: «*Все мы вышли из грушинской шинели*».

Спору нет, ВЦИОМ — одна из первых по времени создания социологических организаций России. Но не самая первая. (В одном популярном журнале я как-то встретил рейтинг исследовательских организаций, где первое место по возрасту занимала такая известная «опросная» организация, как ВЧК/ОГПУ/КГБ). Действительно, многие исследовательские компании России, работавшие ранее и работающие сейчас на ниве PO&MR, выросли из ВЦИОМ или были созданы людьми, ушедшими из ВЦИОМ. Но далеко не все!

Тот период, когда ВЦИОМ монопольно занимал лидирующую позицию среди организаций прикладной социологии, закончился очень быстро. В 1989—1992 гг. ВЦИОМ находился на этапе становления,

а тем временем в России появилось множество частных исследовательских компаний, никак с ним не связанных — ни через сотрудников, ни через заказчиков. Начиная с 1991 г. в стране открывались отделения иностранных исследовательских компаний (в основном маркетинговых). Из местных вузов и отдельных «полевиков» выросли первые региональные компании...

В девяностых, по крайней мере до «дефолта» 1998 г., почти всем им хватало места на рынке. Конкуренция, конечно, была, но при этом существовали профессиональная и даже коммерческая коммуникация, обмен опытом, кадрами, технологиями. Все находилось в активном поиске связей, наращивали репутационный капитал. А ВЦИОМ в это время, обладая определенными лидерскими возможностями и государственным пакетом заказов, по сравнению с другими существовал довольно замкнуто, автаркично и не проявлял особой заинтересованности в развитии отрасли и расширении профессиональной коммуникации — за исключением случаев представления собственной продукции.

Ситуация радикально изменилась в 2003 г. Тогда «обнуленный» и обновленный ВЦИОМ оказался в высшей степени заинтересован в кадровой, технологической и репутационной поддержке, которую ему оказали многие частные исследовательские компании, возмужавшие и окрепшие. И после того как ВЦИОМ вновь встал на ноги, его команда старается вносить вклад в развитие индустрии и открытость социологических исследований: через свой журнал, издательскую программу, Грушинскую конференцию, публичные заседания Научного совета, летние и зимние школы, через Telegram-канал «Всем ВЦИОМ» и т. д.

История взаимодействия и профессиональной кооперации исследовательских компаний России, становления профессиональных ассоциаций, создания инфраструктуры отрасли (журналы, образование, конференции, рейтингование, стандартизация, сертификация и т. п.) — очень важная часть хроники индустрии прикладной социологии в России. ВЦИОМ в последние десять лет играет в этом процессе очень активную роль. В какой-то степени это нашло отражение в книге, но, на мой взгляд, недостаточно. Мало сказано и о возросшей конкуренции на рынке исследований, которая даже для государ-

ственного ВЦИОМ становится ощутимым фактором работы — и, увы, определенным барьером в расширении профессиональной коммуникации. Но, наверное, это сюжет для отдельной книги, которую еще только предстоит написать.

История компании

Наконец, собственно **история конкретной организации «Всероссийский центр изучения общественного мнения»**. Это, пожалуй, самая сложная и «сенситивная» часть, ибо в ней фигурируют не безличные массы и институты (организации, компании), а очень конкретные лица — с именами и фамилиями, жизненными траекториями, целями и мотивами действий, симпатиями и антипатиями, а главное — со своим публичным образом и репутацией.

В подобных историях, написанных современниками, всегда очень сложно не перейти грань. Проблема состоит в том, чтобы, представляя читателю максимально большой спектр лиц, мнений, высказываний, поступков конкретных участников исторического действия, не скатываться в скандальность и личные пристрастия. «Открытый (в)опрос» богат именами и воспоминаниями, а мемуаристика — известный механизм мифотворчества. Участники и очевидцы рассказывают о событиях давних лет и своих тогдашних «контрагентах» сегодня, то есть с учетом уже сложившихся впоследствии отношений, произошедшей переоценки и неизбежного самооправдания. За этими, уже несколько «приглаженными» рассказами нельзя не увидеть реальные страсти и бури, в которых рождались ВЦИОМ и вся российская прикладная социология.

Думаю, эта сюжетная линия вызовет наибольший интерес читателей — как было в свое время с серией биографических интервью социологов от Бориса Докторова или с архивными изысканиями и интервью с «ветеранами движения» от Марины Пугачевой. И это, разумеется, самая спорная — потому что самая субъективная — часть книги.

В личных микро-историях, мнениях и суждениях есть очень важный момент, отсутствующий в учебниках по методологии исследований.

Это истории о *разных* ценностях. В последние годы профессиональное сообщество переживает период очередной смены поколений. Лидеры компаний и коллективов, фактически создавшие российскую исследовательскую индустрию в девяностые годы, постепенно оставляют дела и/или уходят из жизни. На смену им с революционным порывом «все делать по-другому» врывается в отрасль активная и образованная «молодая шпана», которая хорошо знает слова «сайт», «форсайт» и «инсайт», но очень плохо знает слово «преемственность».

Большинство этой поросли совсем не знает «титанов, на плечах которых» стоит, да и не чувствует необходимости в этом знании — с учетом того, что методологический и технологический арсенал социального исследователя сегодня радикально меняется. А больше ничего новому поколению, как правило, и не надо! Проблема трансляции профессиональных ценностей и норм кажется им надуманным анахронизмом.

Рассказ о создании и развитии исследовательской организации, ее победах и поражениях, расколах и консолидациях, утратах и приобретениях, страстях и напряжениях (да, настоящие социологи — страстные люди!), и главное, о непростом «фабричном», коллективном труде — как раз и дает возможность поговорить о профессиональных и гражданских ценностях исследователя. И за это — большое спасибо.

Триединство истории

Все три рассказанные в «Открытом (в)опросе» истории тесно связаны между собой. Это переплетение неизбежно для государственной организации, профессионально изучающей общественное мнение в стране, история которой проходит через переломный этап. Меняется государство, его лидеры, его приоритеты — меняется и отношение к институту общественного мнения. На каждом таком переломе менялся и ВЦИОМ — кадрово, идеологически, технологически, организационно. Да и не мог он оставаться прежним, будучи порождением и органичной частью того, что экономисты называют «расширенное правительство».

На первом этапе (Горбачев — Заславская) отношение власти к общественному мнению представляло собой смесь любопытства, надежды и опаски. Власть им интересовалась (потому что не знала совсем), надеялась на поддержку и опасалась одновременно. В такой ситуации ВЦИОМ, пожалуй, чувствовал себя лучше всего. Можно было относительно свободно творить и строить — себя, науку, отрасль и даже власть.

На втором этапе (Ельцин — Левада) государство российское стало «олигархическим», отдельные его ведомства и институты фактически приватизировались разного рода финансово-промышленными группами, организованными преступными сообществами, «семьями» и политическими кланами. Общественное мнение рассматривалось по большей части как еще один ресурс в нескончаемых межгрупповых «войнах». ВЦИОМ не мог избежать влияния такого государства и в итоге был инкорпорирован в одну из враждующих групп как ее исследовательское (сервисное) подразделение. Работать было можно, но свобода творчества уже была ограничена определенным политико-идеологическим направлением. Хотя исследования проводились разные, и многие из них были весьма интересны, но главным становился мониторинг социального самочувствия и политической лояльности (включая протестную активность).

На третьем этапе (Путин — Федоров) власть сначала вернула себе управление своими элементами: ведомствами, крупными предприятиями, телеканалами. Со временем руки дошли и до ВЦИОМ. Затем государство очертило каждому круг задач. Новый функционал ВЦИОМ был предопределен тем, что институт «общественного мнения» к этому моменту превратился из субъекта, с которым власти надо было вступать во взаимодействие, в объект, которым, в идеале, можно управлять. Это уже не ресурс политической борьбы (поскольку она стала по большей части непубличной), а, скорее, фон — хорошо его бы учитывать, а политические субъекты иногда к нему апеллируют. В этой парадигме ВЦИОМ, сохраняя базовую функцию изучения массовых настроений, нагружается дополнительным функционалом выдачи рекомендаций для власти по темам, связанным с общественным мнением.

Открытый финал

История — наука неточная, но поучительная. В книге «Открытый (в)опрос» много важных уроков (некоторые, как кажется, до конца не выучены). Один из них — вывод о зависимости деятельности исследовательских организаций от позиции и запроса главных стейкхолдеров.

Работа ВЦИОМ в настоящее время мне видится как сложный двуединый процесс, наполненный внутренними противоречиями, преодолеть которые вряд ли возможно. Главное из них — противоречие между функциями коллективного исследователя-аналитика и коллективного политконсультанта. Их смешение часто ведет к репутационным потерям. Однако для государственного исследовательского центра постановка задач — прерогатива государственных органов управления, поэтому многие сегодняшние трудности ВЦИОМ объясняются функционалом, который выдал компании ее учредитель.

Без всякого замысловатого форсайта можно предположить, что ВЦИОМ в ближайшие три-четыре года ожидает поворот, который может выразиться в очередной смене приоритетов, руководства, состава, тематики исследований, и начале нового витка вциомовской истории (надеюсь, без разрыва преемственности).

Что ни говори, а прикладная социология — все-таки сервис, услуга. Но в русском языке значения однокоренных слов «служба», «служение» и «услужливость» заметно различаются — да и стейкхолдеры, и потребители услуг могут быть разные. Профессиональное самоопределение прикладного социолога в этом пространстве смыслов — очень непростое дело. Оно может быть любым — главное, чтобы было осознанным. «Открытые вопросы» всегда требуют большей осознанности, чем «закрытые». Книга «Открытый (в)опрос» — яркий тому пример.

*Игорь Задорин,
руководитель Исследовательской группы ЦИРКОН*